

Артём Сошников

Остров глухого леса

Остров глухого леса

Когда в 2015-м году ванин дед наотрез отказался переезжать в Архангельск и остался караулить разваливающийся домик под Холмогорами, никто из родственников не удивился—деда и без того все считали нелюдимо. Недаром же, выйдя на пенсию после долгих лет службы в торговом флоте, он тут же устроился смотрителем маяка в Белом море, но жену с собой не взял, хотя другие люди жили на маяках семьями и даже основывали династии.

Повзрослев, Ваня догадался, что дед просто-напросто разлюбил бабушку—а остальных, возможно, и вовсе никогда не любил. Дети выросли, смысл держать хозяйство пропал (овощи, мясо, яйца покупали в супермаркете), дед отбыл свой пост главы семьи и захотел наконец-то пожить для себя. Чем дед занимался на маяке, Ваня никогда не спрашивал—знал лишь, что со временем ему стало тяжело подниматься по лестницам и таскать тяжести. Деду пришлось окончательно выйти на пенсию: смотреть сутками напролёт в окно на заросшую поляну и поломанный бурями лес, да воображать, что вдалеке шумят не кроны раскачивающихся сосен, а разбивается о камни ставшее родным за мимолётную жизнь море.

Дед никогда не жаловался на старость, но Ваня видел в его глазах поволоку вековой грусти—или даже тоски, если тучи приплывали из-за горизонта и небо темнело, напоминая деду о наливной толще Белого моря. Разговаривали они редко, моряцких баек дед не травил—употреблял лишь непонятные слова, которые, однако, Ваня зачем-то запоминал: бизань, штевень, багрец, кнежица, припой. Обычно дед задавал короткие вопросы, например, «Ну как ты, Иван?» или «Всё у тебя нормально?»—а, получив на них стандартные ответы, удовлетворительно кивал головой и неиз-

менно заканчивал разговор фразой «Надо будет чего—ты звони, всё устроим». Поначалу Ваня старался разбавлять ответы подробностями из жизни, но быстро догадался, что никому они на самом деле не нужны, и просто кивал в ответ. Было, однако, в этой их странности что-то тёплое и родное, о чём не догадывались ни папа, ни мама, ни уж тем более бабушка.

Проводя дни бок о бок со старыми вещами, дед и сам покрывался пылью и мелкими веточками, цеплялся одеждой за гвоздики и занозы, пачкался краской, травяным соком, липовой смолой—и в последние годы стал напоминать Ване лешего. Что он охранял в Холмогорах, никто так и не понял: домик развалился, словно карточный, и превратился для деда в домовину—в одну из майских гроз его разбил инсульт. Несмотря на протесты родственников, Ваня самостоятельно сколотил голбец, вытащив из веранды бревно и пару досок—всё же, Ваня считал деда достойным человеком и тайно уважал его преданность родовому гнезду, никому больше не нужному и во всех отношениях недорогому. Друзей у деда не водилось, так что хоронили его семьёй, на поминках родственники наговорили кучу всякой чуши, поругали деда за неучастие в делах семьи (пенсию прятал, внуками не занимался, дом продать не захотел), но тут же осеклись—о мёртвых либо хорошо, либо никак. По пути домой, в Архангельск, мама и тётя поучали Ваню, что жить так же, как дед, ни в коем случае нельзя, иначе велик шанс стать бобылём или сойти с ума наедине с хвойной пустошью. Короче, никто из родственников не удивился, когда через несколько дней после похорон Ваня заявил, что уезжает по работе в Петербург—бабушка лишь всплеснула руками, а мама продекламировала заготовленное заранее «Весь в деда!» и ушла на кухню раздражённо чистить картошку.

«Почему в деда?»—возразил Ваня—«Я же в мегаполис еду, а не под Холмогоры», но реплика его повисла в коридоре без ответа.

Провожали Ваню ни тепло, ни холодно: мама приобняла, бабушка клюнула разок в щёку, отец сунул руку и промямлил что-то невразумительное, что-то вроде «ну ты давай там, это, в общем, как только, так и... ну, ты понял». Ваня понял, кинул рюкзак на третью полку плацкарта и всю дорогу размышлял: вроде бы, и Архангельск, и Петербург олицетворяют собой северную Россию, а ехать от одного города до другого целые сутки. Что уж творится на сибирском тракте, и представить страшно.

Петербург встретил Ваню тревогой и пустотой—зверствовал ковид, люди сидели по домам и вызывали курьеров, везде носили маски, перчатки, и никто не понимал, что ещё на себя нацепить, чтобы защититься. Ваня погулял по городу, который показался ему гораздо прекраснее, нежели на университетских каникулах пару лет назад—в пандемию второй мегаполис России как-то легко и податливо застыл, превратился в театральную декорацию. Дворцы, храмы, доходные дома казались Ване гипсовыми, и он даже представлял, как оператор следует за ним с камерой по пятам, вдалеке сидит режиссёр на тряпичном стульчике, а Ваня... Ваня совершенно не умел играть на камеру и фантазировать дальше стеснялся.

Похоже, Ваня приглянулся городу—никаких преград на дальнейшем его пути не возникало. Мама всегда тревожилась из-за того, что Ваня не гуляет подолгу с друзьями и даже ни разу за пять курсов не пришёл домой пьяным—то, что он еженощно тонет в синем море экрана, не включая в комнате свет и не открывая форточки, казалось ей маньячным и ненормальным. Ваня же выучил за пять лет несколько языков программирования и прекрасно провёл время, растворяясь в функциях и дебагах. Уже два года он работал удалённо, но деньгами с семьёй не делился, зная, что родственники тут же возьмут старшему брату ипотеку, а затем переругаются из-за какого-нибудь юридического или финансового нюанса. Ваня сменил удалённую работу на номинально-офисную (номинально, потому что в ковид офис был закрыт), и тут же на-

гуглил финскую компанию, сдающую в аренду квартиры в построенном ими же жилищном комплексе «Korpisaari». Ване импонировал скандинавский образ жизни, так что он снял однушку на первом этаже, обустроил её мебелью из Икеи, а в середину шкафа «Альфред» поставил купленные на Озоне модельки карбаса и маяка.

Жизнь потекла своим чередом. Ваня даже стал отправлять домой деньги, чему родители оказались несказанно рады, продали Renault Duster и действительно взяли брату квартиру в ипотеку, но буквально через месяц жена брата изменила ему с коллегой; родственники принялись делить детей, делить ипотеку, все ожидаемо переругались и поэтому не видели Ваню почти полтора года—приезжать и выслушивать все эти ссоры Ваня не мог чисто физически. Денег Ваня тратил мало и даже подумывал построить в Холмогорах новый дом. Долгое отсутствие на родине расстраивало его исключительно поэтому, он боялся, как бы землю не заняли какие-нибудь лихие северные прохиндеи или бабушка не продала землю втихаря, дабы выплатить долг за ипотеку. Но мама уверяла Ваню, что всё в порядке, дом гниёт и зарастает бурьяном, лес наступает, подбирается всё ближе к избушке, и Ваня без проблем вернётся в эту нору сразу же, как только окончательно примет своё естество—будет кувыраться там в иголках, щупать поросшие мхом камни и проваливаться по колено в водянистую жижу овражков. Мама выговаривала это с неприкрытым ехидством и несознательным мазохизмом, будто желая убедиться, что от упоминания камней, болот и мха у Вани учащённо забьётся сердце или засочится слюна, но голос Вани не дрожал, дыхание не учащалось и мама разочарованно переходила к перипетиям развода старшего сына.

Друзья Ване были не нужны, но они стали появляться сами собой на работе—ковид ослаб и компания вернулась в офис. Хотя Ваня и любил уединение, особых комплексов он в себе не развил, умел и разговор поддержать, и шутку отпустить, а тут ещё неожиданно

хорошо получилось играть в настолки—в общем, ребята приняли его радушно, звали то в VR-центры, то поесть стейки под крафтовое пиво. Ваня завёл Инстаграм и смотрел, как люди отмечают его на фотографиях, но сам ничего не выкладывал, хотя пару раз палец тянулся к галерее с пейзажами домика в Холмогорах. Но тогда пришлось бы объяснять, что это за дом, кто в нём жил и почему не живёт больше. Рассказывать про деда Ване не хотелось, не потому что было больно—просто лень, да и кому из друзей захочется выслушивать про чужое горе, пусть даже и мимоходом.

Раньше Ваня не задавался этим вопросом, но оказалось, что дружить с людьми, зарабатывающими примерно столько же, сколько и он, довольно удобно. Ребята ходили в одни и те же заведения, без проблем скидывались на аренду загородных домов и отелей, делили общие счета поровну, по количеству гостей. Да и жить стали все рядышком—финская компания, найденная Ваней, с удовольствием сдавала квартиры айтишникам, даже предоставляла скидку, но Ваня в детали не вдавался, жизнь и без этого коротка.

Квартиры ребят выглядели одинаково—бежевые стены, деревянный ламинат, набившая оскомину икеевская мебель—поэтому Ваня подчёркивал индивидуальность своего жилища безделушками. Особенно ему полюбились модельки кораблей, которые он собирал вечерами и ставил на полку рядом с Lego. Весной Ваня даже задумался, а не выучиться ли ему на капитана судна—гены, как-никак, но ребята вовремя позвали его в яхт-тур по Балтийскому морю. Всю дорогу Ваню тошнило, не помогли ни «Драмина», ни «Авиаморе», и в тот день он решил—пусть его морской путь ограничится романтическим коллекционированием корабликов; быть может, модельки кораблей возродят тягу к морю в его детях или внуках.

Дружба помогала ребятам работать быстро и эффективно, компания развивалась, Ваня дорос до senior-разработчика и стал уж со-

всем как-то неприлично зарабатывать—так, что смог купить подержанный Renault Duster буквально за три месяца, ни в чём себе не отказывая, просто переводя излишек зарплаты на соседний счёт. Самому Ване автомобиль был не нужен, он иррационально любил автобусы и метро, поэтому Duster послужил подарком на день рождения отцу. Отец был настолько потрясён, что даже выговорил членораздельную речь, в которой слова «удивлён», «не ожидал» и «дожил-таки» переплетались с «горжусь», «оправдаю» и «жму руку». Где-то в глубине души Ваня подозревал, что после его отъезда мама с бабушкой принялись воспитывать отца, и тот с радостью бы убежал от них на край Белого моря, да вот только у него не было подходящего транспорта—но теперь, когда у него снова появился автомобиль, отцу оставалось лишь накопить денег на несколько баков бензина. Мама неожиданно притихла (то ли поняла, что зря третировала Ваню за его увлечение компьютером, то ли тоже размышляла о скором исходе отца), а бабушка уже плохо соображала. На одном из семейных ужинов она спросила прямо при Ване, когда уже тот наконец вернётся из армии. Родственники смущённо поджимали губы, новая жена брата хихикала, а тот дёргал жену под столом за рукав блузки. В конце концов рукав треснул и молодожёны разругались—новой суженой было обидно, что её постоянно одёргивают, а брату надоело краснеть за её шуточки невпопад. Ваня окончательно убедился, что проблема брата заключалась далеко не в его спутницах, а в самом брате, которому палец в рот не клади—дай подрамматизировать и поскандалить.

Отец, опробуя Duster, отвёз Ваню в Холмогоры, где всё действительно заросло бурьяном, а со дня на день ещё и занесло бы снегом. Ваня сходил на могилу к деду, подколотил и подкрасил голбец, подёргал зачем-то вокруг холмика траву и понял, что возвращаться ему сюда однозначно рано. Друзья чуть ли не ежедневно присылали ему фотографии совместных посиделок в офисе. Стоя

у заброшенного околотка и глядя на фотографии, Ване отчего-то становилось очень жалко себя.

Первый снег Ваня встретил уже на Петроградке, в Лопухинском саду, усеянном пожухлой листвой. Крошки снега падали в почерневшую запруду и тут же таяли, вода уже не расходилась кругами, лишь блестела подзастывшим мармеладом. Ваня понимал, что петербургские ландшафты потихоньку вытесняют ностальгию как по Холмогорам, так и по Архангельску.

Ребята тем временем нашли себе новое развлечение. Из угла опен-спейса сутками сочился свет мониторов, там сидел местный девопс Дима—человек железной воли и чутунной задницы, часто дежурящий по ночам, безмерно увлечённый своей профессией. Ребята заключили пари и пытались прийти на работу раньше Димы, ну или хотя бы уйти позже него, однако, никому это не удавалось. Более того: как-то раз Ване пришлось отработать экстратайм в субботу—и первым, что он услышал в пустом опен-спейсе, была музыка из диминого угла. Девопс сербал BigBon Max и смотрел сериал «Солдаты», не подозревая, что в офисе есть ещё кто-то, кроме него самого. Ваня поздоровался и пожелал Диме приятного аппетита, за что Дима степенно его поблагодарил и подключил наушники. Ваня понял, что пари затянется надолго.

Вопрос «Застанем ли мы Диму за рабочим местом в ночь на первое января?» стал хитом новогодней вечеринки. Отмечали у Вики и Макса—тестировщиков, которые удивительным образом познакомились в офисе, женились, и до сих пор работали в одной команде, не надоедая друг другу. Каждый обязался принести с собой по блюду, Ваня приготовил оливье по дореволюционному рецепту и украсил его кубиками желе из шампанского—эффектный приём шеф-повара Лазерзона, придающий классическому салату гэтсби-шарм. Ребята пили игристое, запускали на улице фейерверки и бегали друг за другом, проваливаясь в полумокрый ещё снег, обманчиво покрытый плотной корочкой. В два часа ночи,

естественно, пошли в офис—благо, он располагался в пятнадцати минутах пешком от дома. В углу привычно мерцал свет и Вика, забежавшая в опен-спейс первая, чуть не расплакалась от досады—впрочем, она вовремя решила идти до конца и уговорила раздосадованную компанию заглянуть за выставленные крепостной стеной мониторы. На экранах мерцали графики, но Димы на месте не было—более того, куда-то пропала его кружка в чёрно-зелёных цветах первой версии приложения Terminal. Ребята обыскали весь офис, заглянули даже в туалет и никого не нашли. Выиграв пари, Вика ликовала, а Ваня, смеясь, на обратном пути признался друзьям—ещё тогда, в рабочую субботу, он не выдержал, поделился с Димой деталями их спора, а заодно узнал причины столь аномальной посещаемости. Оказалось, что Диму недавно релоцировали из Минска, но в арендованной квартире очень плохо работал интернет. Идти домой, чтобы поспать и сразу же возвращаться, Диме не хотелось, искать новую квартиру тоже, так что он натурально ночевал в опен-спейсе, мылся в общем душе, ел готовую еду и сутками напролёт торчал за мониторами, потихоньку становясь офисным талисманом. Дима поехал отмечать Новый год к родителям, но скоро вернётся—и тогда они расскажут ему и про финскую компанию, и про уютные квартиры недалеко от офиса, где в окна светит огнями телебашня и с интернетом не возникает никаких проблем.

В январе Ваня впервые заметил, что взрослеет. Набранные компанией джуниоры показались ему совсем юнцами—и, в общем-то, не только ему. Ребята даже не пытались позвать их в свою компанию, понимая, что джуны вряд ли примут их интересы и развлечения. Как только Ване казалось иначе, он доставал телефон и листал фотографии домика в Холмогорах. Эти слова: «голбец», «карбас», «кнежица», «холмогоры»... знакомы ли они им?

На улице холодало, ребята всё чаще оставались дома, не желая идти до офиса даже пятнадцать минут. Ване поручили менторить программистку Алё (Алёну, конечно, но своего имени она отчего-

то стеснялась)—проблем у него с ней не возникало, Аля схватывала всё на лету, лишь изредка задавая вопросы; прежде всего она старалась во всём разобраться сама. Порой, правда, она вгоняла Ваню в неведомый ему ранее ступор—он смотрел на её изображение в зуме и не мог распознать ни одной эмоции. Аля пошутила или сказала это серьёзно? Разозлилась или обрадовалась? Ване казалось, что она и сама должна почувствовать свою излишнюю безэмоциональность, смутиться от этого, но Алю ничего не смущало, отчего Ваня окончательно терялся. Он не верил в то, что она улыбалась искренне и в «спасибо» слышал исключительно «ладно, Ваня, не буду тебя больше мучить, так уж и быть».

Ребята сходили на последнюю пятницу в офис и согласились с Ваней, что у джунов атрофированы лицевые мышцы. Вика предположила, что джуны всё детство переписывались в мессенджерах, где мимику заменяли эмоджи, кеки, лолы и прочий слэнг, так что улыбки или скукоженные лица им попросту не нужны. В этот момент Ваня на секунду почувствовал себя таким же джуном—провалившись в незамерзающую лужу недалеко от офиса неделю назад, он тоже не изменился в лице, даже не матерился. Приятное чувство мелькнуло, вильнуло хвостом и больше этой зимой к нему уже не возвращалось, запруда в Лопухинском саду застыла и все военные корабли, спущенные им 24 февраля на лёд, покорно легли набок, готовясь заснуть под выпавшим в эту ночь снегом, которым Ваня не наслаждался впервые за многие годы.

Три дня ребята не звали Ваню на обед и он решил организовать всё сам. Вика с Максом пришли вовремя, а остальные не появились, Ваня набрал Гоше, Лене, Стёпе и узнал, что они уже в Стамбуле—собрали в свете торшеров чемоданы и рванули на первом же самолёте. Вика отказалась от супа, Макс всё время молчал и казалось, что следом за мимикой в мире отмирают слова. Перед тем, как попрощаться, Вика показала Ване связку ключей—ещё при заселении ребята отдали им запасные, на случай, если нужно будет забрать что-то в их отсутствие или, не знаю, поливать цве-

ты, пока они будут в отпуске. Ваня наугад выбрал ключ из связки и весь оставшийся день они с Викой и Максом пили вино у Гоши дома—белое, не красное—разглядывали полки с возникшими в них прорехами, забытую впопыхах зарядку и рассыпанный по кухне кошачий корм. Кот, почему-то прозванный Люпусом, ещё не соскучился по людям и сидел где-то под кроватью, отказываясь выходить и тереться людям о ноги. Под утро ребята закрыли дверь и Вика сунула ключи Ване в руку—«Давай ты хотя бы за гошиным котом посмотришь, нам ведь цветы ленкины поливать». И Ваня согласно кивнул, потому что знал—у Ленки там целый ботанический сад, проще накормить десять котов, чем запоминать эти бесконечные правила полива *фикусов* и *суккулентов*.

Цветы постепенно раздавали по знакомым и Ваня взял себе три кактуса—удобно, поливать и ухаживать за ними особо не нужно, хоть его и смущала чёрствость подобных растений, их отрешённость и колючесть. Во время очередного созвона с Алей он хотел взять в руки термокружку с кофе, но схватился за кактус, вскрикнул—и Аля впервые искренне улыбнулась, по крайней мере, Ваня поверил в эту улыбку сполна. Он показал ей кактусы; оказалось, что Аля тоже разводит растения. Ваня озвучил ей наобум несколько названий, которые слышал от Вики, и Аля пришла в восторг—видимо, было среди ленкиных растений что-то действительно впечатляющее. Ваня предложил как-нибудь зайти к Лене домой и забрать всё, что приглянётся Але; она, хоть и с опаской, согласилась. Чтобы никого не смущать, Ваня попросил Вику побыть с ними. Они даже пришли за Алей в офис и увидели, что опен-спейс был заставлен коробками—последнее время в офис ходили только джуниоры, да и те появлялись здесь исключительно по условиям трудового договора, так что руководство решило отказаться от половины этажа, превратив постоянные места сотрудников в перехватывающие; не места, парковки. Ожидая, пока Аля доделает задачу, Ваня с Викторией заглянули в угол к девопсу Диме и не обнаружили там ни мониторов, ни сочащегося от них света—Дима уехал в Минск и, говорят, собирался уволиться, как

только ему подыщут замену. Ваня забрал из ящика своего стола блокнот и зубную щётку. К Лене домой поехали на такси, чтобы избежать неловкого молчания по дороге.

Восхищаясь, Аля носилась между растениями и Ваня в очередной раз заметил, насколько не зачерствела ещё в ней детская непосредственность. Она выбрала пять горшков и долго расстраивалась, что нельзя оставить их в офисе—она спрашивала, директор по хозяйственной части не разрешил. Пришлось помочь ей довести растения до Парнаса; Ваня вызвал такси, впервые пожалев, что рядом нет отца и его поддержанного Duster'a. Вика же, провожая ребят, смерила Ваню многозначительным взглядом, а зря—подняв растения на пятнадцатый этаж и оставив их в коридоре афиной студии, Ваня скомкано распрощался—прежде, чем его позовут остаться на чай или кофе. Но Аля не позвала—и всю обратную дорогу Ваня размышлял, зовут ли нынешние студенты друг друга на чай. Наверняка, не зовут. Наверняка, у них какие-то свои ритуалы.

Гошин кот Люпус выделялся недолго и теперь дважды в день встречал Ваню у двери. Поначалу он кусался и не давал себя гладить, а теперь даже мурлыкал и тёрся о штанину, правда, исключительно до того, как Ваня доставал из-за холодильника пакетище с кормом и насыпал ему полную миску. Ваню задевала такая откровенная льстивость кота, но потом он решил, что так, может быть, наоборот честнее—и Люпус, и Ваня полностью понимали условия игры и не ждали друг от друга ничего иного. Иногда Ваня хватал Люпуса обеими руками и насильно сажал себе на колени, гладил его до тех пор, пока Люпус не начинал остервенело драть кожу ваниных рук. Ваня разжимал ладони и Люпус прыгивал на пол, жался к ламинату, нёсся под икеевскую кровать, а Ваня, чувствуя себя тираном, смахивал капельки крови с царапин и закрывал за собой дверь на оба замка.

Стараясь не смотреть Ване в глаза, Вика и Макс пригласили его в кофейню, что работала в соседнем доме—и там, взяв три латте, рассказали ему, что Макс нашёл новую компанию, которая не готова переводить ему зарплату в санкционные банки, так что через пять дней ребята улетаю́т в Анта́лью, оттуда на автобусе добираются до Каша, немного переводят дух и переезжают в Сербию, но в Белграде останутся ненадолго, просто дождутся оформления нужных бумаг, потому что фирма, куда позвали Макса, в данный момент открывает офис в Португалии. Ребята звали его в Каш с собой, но Ваня наврал, что у него нет загранника; они уговаривали его оформить документы и прилететь к ним на Балканы летом в отпуск. «Знаешь, мы могли бы провести время в Хорватии или Черногории»—сказала Вика и Макс закивал головой; Ваня, глядя в его солнечные очки, так и не разглядел за линзами выражение глаз. Он обещал подумать, посмотрел дома цены на билеты и нажал Cmd+W.

На прощальную вечеринку к Вике и Максy пришли восемь человек, из них в России оставались Ваня и ещё одна пара. Весь вечер в комнате витали разговоры о налоговой резидентуре, ВНЖ и денежных переводах. Ваню тактично спрашивали, почему он остаётся—Ваня отвечал, что давно мечтал уехать служить на маяк в Белом море. Пара понимающе смотрела на Ваню и в конце вечера они обменялись телефонами, кивали друг другу, понимая, что теперь им стоит общаться чаще, раз уж они остаются, а остальные—нет. Вика с Максом обнимали Ваню на прощание, а он держал кулак у Вики на спине, не разжимая ладони—боялся выронить увесистую связку, к которой теперь добавилась ещё одна пара ключей. Во дворе ветер лизнул ванину шею, на которой остались тёплые викины слёзы—приятное ощущение; особенно, если знаешь, что ни в чём не виноват.

Утренние рабочие встречи с Алей пришлось двинуть на час позже—теперь Ваня ходил кормить двух котов и, что уж греха таить, частенько оставался работать у ребят в квартирах. По просьбе Гоши

он собрал в коробки все его вещи. Аля обрадовалась переносу встреч на час позже. Ваня предположил, что она, как и он, любит поспать подольше, но Аля в ответ призналась—по утрам она интенсивно учит английский с носителем, собирается релоцироваться на Кипр.

Гоша договорился, что съедет с квартиры к майским праздникам. Ваня, насыпав коту корм про запас, полетел домой. Отец сидел в кресле осунувшийся и небритый, мама мерила шагами коридор. Отец был против, брат и его сестра—за, мама меняла мнение ежедневно. Ваня не желал спорить, но наврал им за ужином, что потерял работу, что денег теперь присылать не сможет, потому что новой работы в Петербурге нет, все айтишные компании покинули город. Он надеялся, что удар по семейному бюджету однозначно качнёт весы в отцовскую сторону, но родственники промолчали. По дороге в Холмогоры Ваня спросил у отца: «как ты думаешь, хорошо ли служить смотрителем маяка на Кипре?», но отец лишь пожал плечами. Duster сломался на выезде из Архангельска, Ваня вызвал эвакуатор.

Люпус моментально обжился в ваниной квартире, ходил по ней царём, высоко задирая нос и шевеля усами. Ваню он больше не кусал, а на пятый день забрался к нему ночью на одеяло, утоптал лапками полянку под согнутыми ваниными коленками и свернулся комочком. Под утро у Вани затекли ноги и он не без стыда перевернулся на другой бок. Люпус спрыгнул на пол, Ваня долго переживал, но через пару дней история повторилась. Ваня показал Люпуса Але, но та оказалась собачницей. Через неделю к её профилю в слаке добавился значок треугольника и надпись «Account deactivated»; в сториз её инстаграма он увидел билеты на Кипр.

В квартире мгновенно стало душно, Ваня приоткрыл окно. В тот день ему не работалось. После обеда Ваня пошёл по квартирам и считал стулья, на которых он посидел; получилось тринадцать,

число Ване не понравилось. Прогулявшись по Лопухинскому саду, он вернулся домой, взял пауэрбанк, дуделку HQD со вкусом гранатового сока, карточки, наличку и отправился по барам. Ваня считал места, где выпивал—получилось шесть, везде было скучно. Знакомиться с людьми первым Ваня не умел, звонить парочке, с которой обменялся телефонами на прощальной вечеринке Вики и Макса, ему не хотелось. Больше всего удивляло, что в барах по-прежнему играли диджей-сеты, люди выходили на улицу покурить и пообщаться, кто-то даже смеялся за столиками. От шума и алкоголя у Вани разболелась голова; он проглотил турбошаверму на Литейном и пошёл пешком домой. На мосту ему сильно захотелось в туалет и это были лучшие сорок минут за последние пару недель—Ваня думал только о том, где справить нужду и не прослыть при этом пьяным уродом. Недалеко от офиса он увидел густые заросли кустарника. Там ему никто не помешал.

Люпус не отзывался на имя, не реагировал на кис-кис-кис. Уже в коридоре Ваня почувствовал что-то нехорошее, забежал в комнату и увидел, что окно, по безалаберности оставленное им приоткрытым, распахнуто настежь. Тут же вспомнился странный грохот, услышанный им одновременно с щелчком закрывающейся двери— похоже, сквозняк распахнул окно и Люпус сбежал через него на улицу. У Вани перехватило дыхание. Он заполз под кровать и проверил каждый угол квартиры, хоть и чувствовал, что ничего живого здесь более не найдёт—об этом же ему говорили разбросанные по полу кораблики, которые Люпус уронил, прыгнув на полку книжного шкафа. Ваня побежал на улицу, робко звал Люпуса, но тот не откликался. Пришлось зажечь фонарик на айфоне и шарить лучом по спускам в подвалы, становиться на колени перед припаркованными автомобилями и заглядывать им под днище—Люпуса нигде не было. Ваня, часто и прерывисто дыша, смотрел на котлован строящегося ЖК через дорогу. Наверняка кот нырнул туда через дыру в заборе, но на стройку Ваня всё равно бы не пошёл (переломаешь ноги, да и кто пустит поддатого паренька на закрытую территорию ночью), а вернуться домой ему

не позволяла совесть—как так, потерял чужого кота, побег Люпуса наверняка разобьёт Гоше сердце, да Ваня теперь и в глаза-то ему посмотреть не сможет. Так что Ваня побрёл от дома к Ботаническому саду (боже, он ведь мог и в Ботанический сад убежать), заглядывал в каждый закуток, кис-кисая и повторяя постоянно Люпус-Люпус-Люпус-Люпус. На улице темнело и темнело, Ваня бродил среди деревьев у третьего корпуса ЛЭТИ. Где-то у Ботанического сада завопили коты, Ваня ринулся туда, но никого не увидел—животные, повизжав, разбежались куда-то с воем. Ваня плюнул и перелез через забор на территорию сада. Он ожидал, что его тут же догонят охранники, выведут наружу или вызовут полицию, но в саду было тихо и темно, лишь где-то вдалеке фонарь разбрызгивал свет на неведомые Ване растения—вот куда надо было отдать ленкину коллекцию, жаль, хорошая мысль пришла ему в голову слишком поздно.

Ваня пересёк неприбранный участок с кучей хлама—лопатой, подгнившими саженцами, перевёрнутой тележкой—он шёл и слушал сипение в лёгких, которое неизменно настигало его после продолжительного курения. Небо должно уже было светлеть (в Петербурге всегда светлеет рано), но сад наоборот становился всё гуще и гуще. Ваня удивлялся, почему до сих пор не виден забор со стороны Карповки. Неужели Ботанический сад такой огромный? Так уж получилось, что в саду он не бывал до этого ни разу—каждый день обещал себе пойти сюда погулять, но близость к месту убивает любые шансы им наслаждаться. Ваня не видел даже дышков в темноте, со всех сторон натёкался на заросли кустарника. Не желая более их обходить, он навалился на один из кустарников телом и принялся разгребать колючие ветки руками, жмурясь и боясь, что какая-нибудь из веток выколет ему глаз.

Ветви царапали щёки и лоб, было больно, но терпимо. В один момент Ваня даже запаниковал—показалось, что он увяз в кустарнике, что его опутали миллионы рук, и он уже не выберется, не докричится до зрителей, умрёт от удушья или жажды. Ваня

стал активнее работать руками и наконец увидел проблески света. Ещё пару рывков—и он вывалился на поляну, упал на колени в измазанную грязью траву.

Ваня поднял взгляд и не увидел вокруг ничего, кроме закрывающего обзор бурьяна—пришлось встать, распрямиться—прямо на него смотрел осунувшийся дедов дом. Ваня, высоко поднимая ноги, побрёл дому навстречу. Кроссовки моментально промокли, осколки стёкол торчали из выбитых окон, крыльцо осело и практически сравнялось с землёй. Пока ещё не летали насекомые, не щебетали рассветные птицы—и даже кроны деревьев не шумели, изображая широкое море. Ветер касался травы с островками недотаявшего снега и подталкивал Ваню вперёд. В эту тишину ворвался короткий мjav—Ваня вздрогнул, ступил на скрипучее крыльцо и прислушался. Кто-то мяукнул снова. Ваня взялся за ржавую ручку двери и дёрнул её на себя—верхняя петля лязгнула и отлетела, дверь со скрежетом покосилась. Ветер порхнул у него над головой.

«Но я не хочу...»—сказал Ваня и не вошёл.

Ветер неодобрительно толкнул Ваню в спину.

«Я не хочу!»—крикнул Ваня громче и сделал шаг назад.

Сквозь щели покосившейся двери на него смотрела непроглядная толща—такая же чёрная, как и вода в Лопухинском саду тогда, в самом конце февраля. Ваня поднял с земли обломок перил, развернулся, противясь ветру, и побежал обратно к кустарнику; кот снова мяукнул, но уже откуда-то сбоку. Ваня что есть мочи врезался в заросли и погрёб обратно, не обращая уже внимания на пружинящие ветви, пробивая доской себе путь. Уши заложило треском и клёкотом, Ваня стиснул зубы, шаг за шагом занимал вязкую почву—и, наконец, вырвался из паутины, увидел знакомый ему уже хлам: лопату, подгнившие саженцы, перевёрнутую

тележку. Под тележкой мяукал забившийся туда котёнок—Ваня отбросил в сторону доску, просунул руку внутрь и вытащил впившегося ему в руку Люпуса. Издалека к Ване спешил мужик в светоотражающей жилетке, он убрал Люпуса запазуху и посеменил обратно к забору, но тут же понял, что с котом уже не перелезет обратно. Ваня повернулся навстречу дежурному, отогнул краешек куртки и погладил дрожащего Люпуса по голове.

—Знаешь, а давай заведём тебе друга?—спросил Ваня как можно спокойнее и дал укусить себя за палец—Назовём его странным именем Холмогор.

Артём Сошников

Переделкино, май 2022